

<https://www.ok-magazine.ru/stars/interview/6165-dmitriy-hvorostovskiy?ysclid=lexdenf96h197255683>

OK!

21.02.2013

ДМИТРИЙ ХВОРОСТОВСКИЙ: «МОЙ ДЕМОН ВСЕГДА РАЗГОВАРИВАЕТ СО МНОЙ»

Дмитрий Hvorostovsky как всегда в отличной форме. Он гастролирует по всему миру практически нон-стоп, и публика его боготворит. Уникальный вокальный дар Hvorostovsky помножен на превосходные внешние данные. Красавец атлет разрушает все стереотипы о классическом музыканте. В октябре Дмитрию Hvorostovsky

исполнилось пятьдесят лет. В России он отметит свой праздник 26 января. В грандиозном гала-концерте в Государственном Кремлевском дворце знаменитый баритон соберет друзей и коллег из разных стран.

Дима, я смотрю на тебя, и мне не верится, что тебе исполнилось пятьдесят лет. Скажи, у тебя этот возраст вызывает страх или грусть?

Разные бывают мысли, и иной раз действительно нахлынет такая тоска... С другой стороны, я полон энергии, у меня различные творческие планы, задачи, я уже немножко умею жить.

Слушай, это гениально! Ты говоришь, что к пятидесяти годам ты «немножко умеешь жить», вместо того чтобы сказать, каким ты стал мудрым, сильным, мощным. Это кокетство?

(Улыбается.) Нет. Мощным, мудрым — конечно. К этому возрасту все мои качества находятся на своем пике. Я себя прекрасно чувствую — тьфу-тьфу-тьфу, — мой голосовой инструмент практически никогда меня не подводит, с ним я могу делать почти всё, что хочу. Это самое главное.

На какой возраст ты сам себя ощущаешь?

Физически лет на двадцать. Но в связи с тем, что я получил и получаю уникальный опыт, выступая на разных площадках мира, встречаюсь с великими, интереснейшими людьми, у меня, можно сказать, год за три. Не чувствовать этого я не могу.

Скажи, у тебя с годами характер портится, или, наоборот, ты становишься более сентиментальным?

А что, становиться более сентиментальным — это положительная черта характера?
(Улыбается.)

Мне кажется, это неплохо.

Да ну, какие-то сопли. Наверное, я становлюсь сентиментальным и сопливым...

И в чем же это проявляется?

Прежде всего в искусстве. Иногда у меня наворачиваются слезы, когда меня что-то трогает. Плакать я чисто физически не могу. Моя сентиментальность особенно обостряется, когда что-то касается моих детей. Однажды, помню, я был в школе, и моя дочка, Ниночка, пела...

То есть дети продолжают твой путь?

Мой путь? Не знаю. Мои дети очень артистичные, очень талантливые, очень красивые. Так может сказать любой отец. Но мои особенные, ты понимаешь. *(Улыбается.)* Когда они со мной, я ими постоянно восторгаюсь, вот такие моменты очень дороги, я их запоминаю. Дети сейчас в таком ангельском возрасте: Ниночке пять лет, Максиму — девять. Совершенно удивительный возраст. Они чистые, бесхитростные, и любовь у них какая-то уникальная.

Ты имеешь в виду любовь к родителям?

Да, к родителям, ко мне в частности. Мама — это мама. Там и любовь, и скандалы — мама с них требует. А я для них всегда как большой праздник, так что ко мне и отношение особое.

Дима, я знаю, что ты активно занимаешься спортом. Скажи, тебе это для поддержания формы надо или просто комфортно быть таким брутальным?.. хотел сказать «молодым человеком».

...товарищем. Дело в том, что пение — процесс физический, он требует очень хорошей физической формы. Чем больше я занимаюсь спортом, тем лучше я себя чувствую на сцене.

Часто занимаешься?

Примерно четыре раза в неделю часа по полтора-два.

Что предпочитаешь — плавание или, может, штангу тягаешь?

Какое плавание может быть в Москве?!

Но ты же в Москве, наверное, не так много времени проводишь?

Я везде провожу мало времени: сегодня здесь, завтра там. Исключением могут быть только те места, где меня задерживают длительные проекты. Недавно я пробыл два месяца в Нью-Йорке, там я не только занимался бегом, но и в бассейне плавал, и на улице в холодной воде занимался моржеванием.

Да ты что! Очень интересно. Когда ты стал моржом?

Около двух лет назад. Один мой товарищ, великолепный фотограф Павел Антонов, который живет в Нью-Йорке, каждую зиму моржует. Он мне в красках рассказывал, как это прекрасно. И вот однажды он меня ну не заставил, конечно, а вдохновил. С тех пор я каждую зиму этим делом занимаюсь, правда, не в России. Мои дети, кстати, тоже прыгали вместе со мной в озеро в октябре, в ноябре. Такие уже моржата. Вообще испытываешь такой кайф, когда выскакиваешь из этой ледяной воды: тебе жарко, от тебя пар идет, и это несмотря на то, что на улице мороз. А чувство такое, что ты можешь взлететь. Подобное я испытал, когда прыгнул с парашютом.

Прыжок с парашютом — еще один сюрприз от Хворостовского! Когда это случилось?

Тоже два года назад. Момент свободного полета — ни с чем не сравнимое блаженство. И это притом, что я боюсь высоты.

Тогда тем более парадоксально, что ты прыгнул с парашютом.

Я решил на этот прыжок, чтобы победить страх, но, к сожалению, продолжаю бояться высоты. Когда я стою на балконе, на какой-то высокой конструкции и мне надо подойти к краю, иной раз возникают очень неприятные ощущения. Поэтому я решил, что прыжок поможет мне преодолеть это. Но не помогло. Расскажу небольшую историю. Мы с моей знакомой искали место, где прыгают с парашютом, нашли, приехали туда. Та дорога называлась «дорогой летающей коровы». Там стоял небольшой трейлер, в котором две совершенно пьяные женщины собирали парашюты. Через несколько мгновений мы поняли, что парашюты-то предназначены для нас, но мы не повернули назад. Мы «оседлали» самолет, в который с большим трудом влезли вчетвером, и на протяжении тридцати минут, пока самолет набирал высоту, мы сидели и мучились. Казалось, что он еле-еле движется, а в довершение всего мне показали огромную дыру в полу этого самолета. И когда дверь открыли... это было как избавление!

Дима, скажи, а у тебя бывают выходные, когда музыка уходит на второй план?

Конечно, бывают. Я же Весы по знаку зодиака, а мы всю жизнь балансируем. Мне пришлось балансировать с раннего детства: я учился в общеобразовательной школе и одновременно в музыкальной. Я жил то у родителей, то у бабушки и так далее... Когда моя карьера только началась, я был очень юн, так что в основном исполнял концертный репертуар, уделяя меньше внимания опере.

Твоему голосу нужны каждодневные занятия?

Конечно. Извини, я немного покашливаю. К сожалению, когда я говорю, а не пою, у меня часто першит в горле. Голос как мышца, с ним надо работать. Но и отдыхать не забывать.

А стрессы, связанные с насыщенным графиком, у тебя бывают, или ты умеешь их блокировать?

Когда мне предстоит какая-то новая работа, новая опера, новая роль, программа, тур, я в душе трепещу и очень волнуюсь.

В минувшем году в твоей жизни были какие-то стрессовые ситуации? Знаю, ты руку вывихнул...

Порвал связки. Много чего было, просто я уже обо всем забыл.

То есть негативное ты забываешь легко?

Не только негативное — положительное тоже забываю.

А положительное-то зачем забывать?

Ну как, я проживаю год и продолжаю смотреть в будущее уверенным взглядом. Вся моя жизнь расписана на три, четыре, пять лет вперед. Переезжая из одного места в другое, я должен знать, чем буду заниматься, что учить. В общем, получается, что жизнь моя распланирована.

А случаются какие-то экстремальные моменты — не дай бог простуда или еще что-то, — когда ты вынужден отойти от графика?

Всё бывает, но, как правило, я пою и когда болею. За свою жизнь я отменил всего несколько спектаклей, концертов.

Скажи, ты ощущаешь какие-то минусы такой вот распланированной жизни?

В последнее время жизнь протекает очень быстро, я совершенно не замечаю, как проходят годы. Они пролетают как месяцы, как недели, график достаточно напряженный, возраст уже... Не успеваешь остановиться, поднять руки, закрыть глаза и сказать: «Господи, как хорошо!» А это важно. Поймав такой момент, хочется притормозить, почувствовать прелесть мгновения. Хотелось бы, конечно, чтобы таких моментов было больше.

И много таких счастливых мгновений было в двенадцатом году?

Это точно не было празднование моего пятидесятилетия. Отмечали мы его в Нью-Йорке, приехали знакомые, друзья. А мне как-то очень резко стало грустно... и я ушел.

Со своего юбилея?

Да. В десять часов вечера. А люди продолжали веселиться.

Куда же ты ушел?

К себе. Я жил в роскошной четырехэтажной квартире наших знакомых. Я ушел к себе на четвертый этаж.

И что происходило в твоей душе?

Об этом история умалчивает. *(Улыбается.)*

Дима, а ты по натуре легкий человек?

Нет, нет. Я далеко не легкий человек и еще пессимист. Но я научился быть легче, оптимистичнее и в какой-то мере веселее.

Удивительно. У тебя блистательная карьера, самая яркая среди российских оперных артистов, и при этом ты говоришь, что пессимист.

Пессимистом я был еще до начала моей карьеры, такова, видимо, особенность характера. В самом начале пути я достаточно часто получал по носу, будучи очень уверенным в себе человеком, а потом в какой-то момент присел на задние лапы и подумал: «Боже, а правда ли я такой великий?» И вдруг пессимизм, сомнения стали одолевать меня с такой силой, что мне было трудно продолжать работать дальше. И с тех пор эта теневая, что ли, сторона всегда присутствует в моей жизни, мой демон всегда разговаривает со мной, цепляет, чтобы я не забывался.

Дима, а на профессиональном горизонте есть что-то, что тебе неподвластно?

Полно всего. Неподвластен мне Вагнер, я не пою больших русских опер типа «Мазепы», «Бориса Годунова»... Принципиально не пою.

Почему?

Мне кажется, это просто не для моего голоса. Я пою Верди, что хорошо для голоса и для меня, пока не устал. В следующем сезоне я буду в Вене впервые петь Яго в «Отелло» Верди. Надеюсь, когда-нибудь мне доведется и в Большом театре исполнить эту роль. Она вообще удивительная. Верди подумывал о том, чтобы оперу назвать «Яго», настолько это многогранная роль. Там в основном монологи, иногда достаточно сухие, подчас передающие специфику характерной речи, колкие, а где-то певучие. Его характер настолько переменчивый — как хамелеон. Я уже выучил эту роль, летом, отдыхая во Флориде.

Ты так вдохновенно говоришь о роли Яго. Почему она пришла к тебе только сейчас?

Раньше было рано. Мне казалось, что я не готов к ней. Голос продолжает развиваться, меняется, становится лучше. Впереди еще много всего, много планов, которые я просто обязан претворить в жизнь. Мне многим хочется заниматься, хочется каким-то образом быть полезным молодежи.

То есть преподавать?

Нет, пока я не имею права даже думать об этом. Возможно, смогу вести какие-то мастер-классы, помогать молодым певцам, заниматься поиском талантов. Мне бы хотелось быть полезным Красноярской академии музыки и театра, в которой я учился, теперь она так называется. Свадебным генералом я быть не хочу, хочу делать что-то реальное, помогать. Я там не так давно был, у нас уже есть некий план, программа.

Здорово, Дима. Я так понимаю, у тебя сейчас началась юбилейная череда концертов?

Да, Hvorostovsky and Friends. Ничего, что я с тобой по-английски? (*Смеется.*) На этот раз со мной будут выступать мои друзья: братья Аскар и Ильдар Абдразаковы, два великолепных баса, Барбара Фриттоли, итальянское сопрано, Екатерина Губанова, молодая певица. Большинство номеров будет дирижировать Константин Орбелян, мой старый друг. В общем, мы приготовили много сюрпризов.

Ты говоришь о концерте, который состоится в Государственном Кремлевском дворце?

Да, 26 января. После этого будет еще много всего. В общем, рутина такая.

Какая же это рутина? Разве такое слово здесь подходит?

Для меня это рутина, но прекрасная. Потом я опять улечу в Нью-Йорк, там будет постановка «Дон Карлоса» Верди в Метрополитен-опера. Потом «Евгений Онегин» с Аней Нетребко в Вене. Это, кстати, будет ее первая Татьяна на сцене, а я буду ее первым Онегиным.

Ты живешь в сумасшедшем ритме, видимо, по-другому уже и не можешь жить. Мне кажется, если у тебя возникает какая-то пауза, вместе с ней приходит и состояние паники: что делать? чем себя занять?

У меня скорее появляется состояние апатии, раздражение, мой характер начинает портиться на глазах. Дней пять-семь без дела я еще могу находиться и просто отдыхать, а потом уже начинаю раздражаться.

В гневе ты страшен?

Я не гневаюсь, я ворчу, ною. Это никому не приятно.

Дима, ты человек мира. А твой дом по-прежнему в Лондоне?

Конечно, и я его очень люблю. Я так тоскую, скучаю по моему дому, нам там так хорошо. Я вообще люблю Лондон, иногда я как-то особенно ощущаю ностальгию лондонскую. Что касается человека мира, наверное, я скорее русский человек-скиталец. Просто так получается, что я достаточно комфортно себя чувствую везде, где бы ни находился. Последние двадцать с лишним лет своей жизни я провожу в основном вне России, могу везде адаптироваться. Я живу, работаю, в работе как-то жизнь и коротаю. А работа — она, знаешь, где бы ты ни был, везде одинакова и разнообразна в одно и то же время.